
ЭПОСОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 398.22

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Зачины героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная в контексте эпических традиций тувинского народа

М. В. Ондар

Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел имени К. Б. Ондара, Кызыл, Россия

Аннотация

Проведен и представлен структурно-семантический анализ эпических зачинов героических сказаний, исполненных сказителем Тюлюшем Баазанаем (1890–1951). В качестве материала исследования были выбраны тексты, опубликованные в сборнике «Далай-Байбыц хаан», который был издан в 1994 г. В результате проведенного анализа обнаружено, что по своей структуре эпические зачины в исполнении Тюлюша Баазаная отличаются от других текстов в корпусе тувинских героических сказаний: во-первых, малыми объемами; во-вторых, использованием лексем, характерных для современного тувинского языка. Тексты в исполнении Тюлюша Баазаная являются эпическими произведениями позднего периода.

Ключевые слова

тувинский фольклор, тувинский эпос, эпический зачин, эпические традиции, структура текста

Для цитирования

Ондар М. В. Зачины героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная в контексте эпических традиций тувинского народа // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 34–43. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Epic opening formulas in the heroic tales of Tyulyush Baazanay within the context of Tuvan epic traditions

M. V. Ondar

K. B. Ondar Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts, Kyzyl, Russia

Abstract

This study explores the opening formulas or *zachiny* in Tuvan heroic epics performed by Tyulyush Baazanay from the Ulug-Khem district. The research material includes a corpus of six texts: *Boraadai-Mergen*, *Dalai-Baybin-Khaan*, *Kongar-Baadai*, *Naigy-Maigy Maadyr*, *Khaan-Toguldur*, and *Khookuy-Kara*, published in the 1994 collection *Dalai-Baybyñ Khaan*. Adopting an interdisciplinary approach, the work utilizes systemic-functional, typological, and contextual methods to conduct a structural and semantic analysis of the storyteller's repertoire. The results reveal that Baazanay's epic opening formulas deviate significantly from traditional Tuvan models. The storyteller consistently omits standardized formulas and traditional clichés, leading to a marked reduction in the overall volume of the prologues. Consequently, Baazanay's performance serves as a primary indicator of the transformation and gradual "fading" of epic traditions, a process driven by the mid-20th-century transition from a nomadic to a sedentary lifestyle. The presence of modern literary terms (e.g., *chaa*, *düzhümet*, *albaty*) and detailed kinship enumerations indicates "late-stage layers" within the texts. This abbreviated structure suggests that the epic tradition is adapting to new sociocultural realities, moving away from archaic monumentality toward more concise, realistic narratives.

Keywords

Tuvan folklore, Tuvan epic, epic introduction, epic traditions, text structure

© М. В. Ондар, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

For citation

Ondar M. V. Zachiny geroicheskikh skazaniy v ispolnenii Tyulyusha Baazanaya v kontekste epicheskikh traditsiy tuvinskogo naroda [Epic opening formulas in the heroic tales of Tyulyush Baazanay within the context of Tuvan epic traditions]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 34–43. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Введение

Тюлюш Баазанай (1890–1951) является одним из выдающихся сказителей тувинского народа, оставивших после себя уникальное духовное наследие. Обладая «исключительной памятью» [Орус-оол 2001: 110], сказитель знал «семьдесят героико-эпических повествований, из них были записаны всего тридцать» [Там же].

Многие эпические тексты в его исполнении были опубликованы в сборниках тувинских героических сказаний (далее ТГС), один из которых был издан в 1994 г. в г. Кызыле под названием «Далай-Байбын хаан». В сборник входят такие эпические произведения, как «Бораадай-Мерген», «Далай-Байбын-Хаан», «Конгар-Баадай», «Найгы-Майгы маадыр», «Хаан-Тогулдур», «Хоокуй-Кара», ставшие объектом настоящего исследования. Рассматриваемые героические сказания имеют следующие объемы: «Бораадай-Мерген» (6176 словоупотреблений), «Далай-Байбын-Хаан» (8202), «Конгар-Баадай» (6681), «Найгы-Майгы маадыр» (6659), «Хаан-Тогулдур» (4368), «Хоокуй-Кара» (7595). Как видим, композиционные структуры текстов, составляющих репертуар сказителя Тюлюша Баазаная, имеют небольшие объемы по сравнению с эпическими произведениями других сказителей.

Модель, по которой структурируются эпические тексты Тюлюша Баазаная, составляет, на наш взгляд, отдельную группу в эпической системе фольклора тувинского народа. В связи с этим предполагается, что в тувинской эпической традиции эпические произведения также в зависимости от событийного охвата повествования делятся на «малые» и «большие» типы [Неклюдов 2022: 71]. Следовательно, эпические произведения в исполнении Тюлюша Баазаная относятся к первому типу, что обеспечивает гибкость, витабельность и полноту эпической традиции в культуре тувинцев. Это связано с тем, что в XX в., когда происходило угасание эпических традиций в тувинской культуре, репертуар сказителя Тюлюша Баазаная состоял из текстов, адаптированных под современные ему жизненные условия.

Если раньше аудитория воспринимала исполнение сказания в течение нескольких дней подряд, то в связи с переходом на оседлый образ жизни народ перестал испытывать потребность в заполнении долгих зимних вечеров слушанием героических сказаний. В целом угасание сказительских традиций связывают с появлением в культурной жизни народа других форм эстетического времяпрепровождения, о чем упоминают многие ученые. Например, Ж. М. Юша, изучив современное состояние фольклора этнических тувинцев Китая и Монголии, отмечает, что «...в последние годы с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга наблюдается постепенное угасание таких жанров, как героическое сказание...» [Юша 2016: 10].

В связи с этим изучение композиционной структуры эпических текстов в исполнении сказителя Тюлюша Баазаная, где особое место имеют зачины, является необходимым в силу установления общей эпической картины мира тувинцев. Целью исследования является структурно-семантический анализ эпических зачинов героических сказаний из репертуара сказителя. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раздробление структуры эпических зачинов на мелкие части; сравнение компонентов между собой, а также в некоторых случаях привлечение примеров из других текстов из корпуса героических сказаний; выявление уникальных черт (особенностей) в эпических зачинах в исполнении Тюлюша Баазаная.

Предметом исследования являются эпические зачины, характерные для сказаний, исполненных Тюлюшем Баазаная, во взаимосвязи с другими текстами ТГС.

Теоретической базой исследования послужили труды С. М. Орус-оол [Орус-оол 2001], В. Я. Проппа [Пропп 2003], Е. Н. Кузьминой [Кузьмина 2005], С. М. Неклюдова [Неклюдов 2019], Н. В. Петрова [Петров 2020], а также выводы и результаты научных статей следующих авторов: И. В. Лозовой [Лозовой 2012], Ю. П. Борисова [Борисов 2013], О. Олзхуу [Олзхуу 2019], М. Т. Сатанар [Сатанар 2022]. Среди указанных работ особо выделяется научный труд С. Ю. Неклюдова, посвященный изучению морфологии и семантики эпического зачина эпосов

монгольских народов. Данная работа применима к тувинским эпическим произведениям, поскольку выявленные автором структурно-смысловые закономерности присущи зачинам в эпической традиции и тувинского народа.

Структурно-семантические особенности эпических зачинов Тюлюша Баазаная

Традиционно тувинские героические сказания начинаются с эпического зачина, описывающего «эпическую эпоху с присущими ему пространственно-временными характеристиками»: *Шыяан ам! Эртенгиниң эртезинде, / бурунгуңуң мурнунда...* ‘Шыяан ам! Раньше раннего, / Древнее древнего...’ [Хертек 2015: 189]. Далее следуют эпические формулы, описывающие эпическое пространство и героя. Эта модель свойственна эпическим произведениям народов Центральной Азии. С. Ю. Неклюдов справедливо отмечает, что в зачине «по сравнению с остальным текстом – господствуют статические описания, имеющие своей целью представление героя и хронотопа последующих событий (в такой почти не нарушаемой последовательности: время – пространство – герой)» [Неклюдов 2019: 131].

Структура ТГС также содержит традиционные конструктивные элементы, обозначающие эпическое время, эпическое пространство и описывающие эпического героя. Подобные структуры эпических зачинов с вариациями обнаруживаются во многих текстах тувинских героических сказаний, образуя, как пишет, С. М. Орус-оол, «стройную сюжетно-композиционную линию» [Орус-оол 1997: 23].

Однако в корпусе текстов ТГС исключение составляют тексты, исполненные сказителем Тюлюшем Баазаная, в которых эпические зачины образуются по другой системе. Эти зачины отличаются от традиционных эпических зачинов следующими показателями: 1) малыми объемами; 2) отсутствием или же частичным отсутствием трафаретных формул в структуре эпических зачинов; 3) комбинацией выражений, характерных и для эпических традиций, и для современного литературного языка. Например, текст «Далай-Байбын-Хаан» в исполнении Тюлюша Баазаная содержит следующий эпический зачин:

Чаа, на плече хорошего времени, / На голове плохого времени / Далай-Байбын хан жил. / Под собой [он] имеет шестьдесят подданных-чиновников, / Над собой [он] имеет тридцать подданных-чиновников. / Открывающих двери людям, входящим и выходящим, / шестьдесят одного слугу имеет [хан] [Далай-Байбын-Хаан 1994: 112] (перевод автора ¹).

В указанном примере для привлечения внимания слушателя исполнитель использует частицу *чаа*, имеющую значение ‘ладно, хорошо; пусть; ну’ [ТРС 1968: 502]. В корпусе текстов ТГС частица *чаа* в начале эпического зачина используется только в текстах, исполненных рассматриваемым сказителем. Традиционным приемом, сигнализирующим о начале исполнения эпического произведения, считается употребление слова *шыяан* или *шыяан ам*, семантика которых «затемнена, их значения современные носители языка не знают» [Хертек 2015: 189]. По своим назначениям слова *шыяан*, *шыяан ам* выполняют определенные функции: сказитель, произнося их, «сосредоточивает внимание присутствующих на сказывании» [Орус-оол 1997: 17]. А появление слова *чаа* в речи сказителя Тюлюша Баазаная, на наш взгляд, является плодом позднего поэтического развития эпического текста, поскольку слово *чаа* активно используется в современном разговорном тувинском языке в разных значениях и оттенках.

Следующая трафаретная формула *эки-ле шагның эктинде, / багай шагның бажында*, употребляющаяся в структуре зачинов многих фольклорных текстов (сказок, героических сказаний), указывает на время первотворения, с которого «начинается точка отсчета биографии главного героя-богатыря» [Хертек 2015: 190]. Являясь вариативной, эта формула употребляется в ТГС для выражения эпического времени, точный период которого неизвестен. Далее интересным для нас представляются такие компоненты в структуре эпического зачина, которые содержат в своем составе слова *дүжүмет* ‘чиновник’, *албаты* ‘народ’, отсутствующие в эпических зачинах других текстов ТГС. Указанные слова *дүжүмет* и *албаты* «разбавляют» язык героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная, придавая слушателю чувство очевидности происходящих событий в эпосе. Чувство реальности усиливается также тем, что чиновничество, как особый слой управленцев Тувы, было сформировано недавно, по данным исследователей, в XVIII в. «после завоевания тувинских племен маньчжурской династией Цин в 1757 г.» [Ховалыг 2016: 69].

¹ Далее перевод всех остальных примеров осуществлен автором настоящей работы.

Кроме того, такое резкое переключение времени от мифического к реальному может свидетельствовать об индивидуальной особенности способа или же метода передачи информации исполнителя сказания. Здесь исполнитель старается не обременять слушателя статическим описанием героя, эпического пространства и времени, он факультативно останавливается только на конкретных фактах, репрезентирующих статус главного героя. Подобное уважительное отношение к слушателю со стороны исполнителя может быть свидетельством высокого эмоционального интеллекта последнего, причем слушатель в данном случае – это человек, который записывал текст героических сказаний от Тюлюша Баазаная. В следующем примере из текста «Бораадай-Мерген» точно так же исполнитель использует следующие конструктивные элементы, констатирующие факты:

Девяностолетний старик Тонгаадай, / Семидесятилетняя старуха Ченгээдей жили. / Старик-старуха имеют неподъемный огромный скот, / неподъемное огромное добро [Далай-Байбыц хаан 1994: 194].

Указанный эпический зачин имеет малый размер по сравнению с другими рассматриваемыми зачинами в исполнении Тюлюша Баазаная. В структуре данного зачина присутствует описание родителей будущего героя, появившегося на свет чудесным образом, а именно после съедения матерью коленной чашечки быка-производителя. Здесь эпический зачин сформирован благодаря традиционным эпическим формулам, где представлены старые родители, от которых рождается будущий герой, и их многочисленное добро.

Сам текст «Бораадай-Мерген» относится к текстам сюжетно-повествовательного типа, в которых «отец или дед героя только упоминаются, а основное содержание посвящено одному герою» [Орус-оол 2001: 28]. Подобным образом можно охарактеризовать многие тексты в корпусе ТГС, однако в их эпических зачинах описание отца занимает особое место. Здесь же эпический зачин имеет малый объем, а переход от описания родителей главного героя к сюжетной динамике происходит очень резко.

Следующий эпический зачин из текста «Найгы-Майгы маадыр» содержит сведения о супруге героя, о его старшем брате с невесткой, о его коне, имуществе и жилище:

Как божество, знающее все тайное, / Как небо во время пасмурности, дождя, / Эргил-Сендил ханшу имеющий / Найгы-Майгы герой был. / Имеющий старшего брата Улааты-Мерген, / Невестку Улаан-Сайын, / Коня Улуг-Шилги с восьми клыками, / Коня Биче-Шилги с шестью клыками, / Имеющий неподъемный огромный скот, / Неподъемное огромное добро. / Найгы-Майгы герой / Простегивая лучи луны-солнца изготовленной / Внутри шестидесяти пестрой юрты / Сидит. / Сам внутри юрты, являющейся юртой Богда, / Лежит и отдыхает, как зять. / Его неподъемное огромное добро, / Неподъемный огромный скот / Старший брат Улааты-Мерген / Исправляет, ухаживает [Далай-Байбыц хаан 1994: 12].

Рассматриваемый эпический зачин выделяется описанием супруги героя, которая обладает волшебными способностями. Подобные традиционные формулы в начале структуры зачинов в других ТГС не обнаруживаются. Этот способ характерен только для исполнительской традиции Тюлюша Баазаная. Как правило, в других текстах из корпуса текстов ТГС герой не имеет родного брата, он единственный в своем роду. Тема одиночества связана, как отмечает Л. К. Хертек, с происхождением главного героя: «в генезисе своем он – мифический первопредок» [Хертек 2014: 26], и он «живет в ту пору как первый и единственный человек...» [Там же: 44]. Конечно, имеются в корпусе текстов ТГС примеры, где герой имеет родную сестру, например, «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», «Ангыр-Чечен». Известно, что образ родной сестры образует структурный архетип, «брат и сестра в качестве первых людей соответствуют представлению о материнско-родовой организации, при которой брат и сестра принадлежат к одному роду» [Мелетинский 1964: 426–443]. На наш взгляд, использование женского образа как эпической пары главному герою является одним из художественных средств формирования цельности главного героя, «с помощью которых архаическое сознание упорядочивало окружающий мир: жизнь и смерть, свет и тьма, день и ночь, солнце и луна, земля и вода, верх и низ, чет и нечет, правое и левое, свое и чужое и т. д.» [Альбедиль 2019: 30].

Далее реестр формульных элементов, участвующих в конструировании структуры рассматриваемого зачина, пополняется именами брата и его супруги. По мнению С. М. Орус-оол, «брачные отношения в героическом эпосе свидетельствуют об огромной значимости семейной жизни

для тувинцев» [Орус-оол 2019: 211]. Исследователь отмечает, что в тувинской эпической традиции развита система внутрисемейных и родственных отношений, где «выделяется родство по отцовской линии, на основе которого образуется отцовский род, а основной общественной ячейкой была семья, основанная на прямой линии родства: дед – отец – внук или состоящего из двух поколений прямых родственников: отец-сын» [Там же: 208]. Здесь образ супруги брата появляется, как правило, в середине или в конце эпического текста. Таким образом, присутствие в структуре зачина образа супруги родного брата является новизной, характерной только для сказительской традиции Тьюлюша Баазаная. На наш взгляд, описание родного старшего брата с невесткой служит манифестацией современных реалий, в связи с чем предполагается, что рассматриваемый зачин может репрезентировать результаты лексической стратификации текста. Еще одним показателем современности текста служат сведения о служении родного брата герою: Улааты-Мерген присматривает за скотом главного героя, а сам герой в своей специально отведенной юрте отдыхает.

Следующий зачин из текста «Хаан-Тогулдур» содержит в своей структуре сведения о самом герое, о его коне, младшей сестре, а также о своем *оваа*²: *Ну, был молодец по имени Хаан-Тогулдур, / Родившийся в центральном материке, / Который имеет коня без костей на спине, / Без костей на ребре, / Имеющий кличку Кан-Хурен. / Ну, как желчь печени, / Как радужная оболочка глаза, / Родную сестру Ангыр-Чечен имел. / Хаан-Тогулдур с трех поколений освящавший на верхней части [горы] Арзайты / Имел оваа Арыын-Шевер* [Далай-Байбыц хаан 1994: 89].

Приведенный зачин начинается с формулы, имеющей в своей структуре констатацию факта о существовании главного героя. Далее за ней следует описание коня и родной сестры. Эмоциональное описание образа младшей сестры типично для ТГС, где присутствует данный образ.

Структура рассматриваемого зачина содержит описание культа *оваа*, под которым понимается проведение обряда *оваа дагыыры*. Подобный мотив нами не был обнаружен в других текстах ТГС, несмотря на распространенность этого культа у тувинцев, как и у других кочевых народов тюрко-монгольского мира. Как отмечает Ж. М. Юша, «проведение *оваа дагыыры* является консолидирующим фактором, объединяющим людей, ... проводится коллективно» [Юша 2018: 322]. Эта семантика обряда отражается в следующей сюжетной линии, где герой Хаан-Тогулдур просит свою родную сестру созвать весь свой народ для проведения предстоящего обряда:

Ну, сестрица моя, / Со времен отца нашего отца, / Освятивший Арыын-Шевер проведем, / Соберем народ / До десяти тысяч – так, / Говорил Хаан-Тогулдур [Далай-Байбыц хаан 1994: 89].

Учитывая, что *оваа дагыыры* носит коллективный характер, а его основной целью является единение народа, то можно сделать вывод, что данный конструктивный элемент в указанном зачине рассматриваемого текста возник в более позднем периоде.

По сравнению с указанными эпическими зачинами следующий зачин из текста «Хоокуй-Кара» включает характерные для зачинов текстов ТГС элементы, а именно развернутое представление самого героя, детальное описание коня, слуги, матери и родной сестры героя:

Не смогший разговаривать мужчина со ртом, / в лицо не видевший мужчина с лицом, / не поборовшийся мужчина с плечами, / жил Хоокуй-Кара. / Не сумевший разговаривать мужчина со ртом, / не сумевший бороться мужчина с плечами, / встававший на стремя с порога, / с белым носом, с туловищем [цвета] утренней зари, / с конем по кличке Дапсы-Карала. / За головою многочисленного скота сгоняет, / сможет ломать верхнюю часть крепкого, / такого китайца имеет по имени Кедергей-Сарыг. / С матерью по имени Ховен-Сагаан, / имеет родную сестру по имени Торгун-Чузун. / Хоокуй-Кара этот / имеет имущество выше плеча, / скота выше головы [Далай-Байбыц хаан 1994: 153].

В первой части, где описывается герой, используются традиционные формулы, обширность которых достигается за счет синонимических слов *аас* ‘рот’ – *эрин* ‘губы’. Вариативное описание *эгинниг эр көржүп болбаан / эгинниг эр тутчуп болбаан* акцентирует богатырскую силу главного героя. Такой прием, согласно А. В. Кудиярову, является «характерной приметой эпического

² *Оваа* – священное место, культовая конструкция, где собираются духи-хозяева гор, тайги, воды и духи предков.

стиля сибирских тюрков, монголоязычных и ряда других народов» [Кудияров 2002: 77]. Появление образа пастуха-китайца Кедергей-Сарыг в структуре зачина приближается к современным реалиям, характеризующим общественное устройство феодализма.

Эпический зачин, входящий в структуру текста «Конгар-Баадай», является самым объемным и соответствует эпическим зачинам других ТГС:

Конгар-Баадай, / имеющий супругу-ханшу по имени Эге-Дугураан, / коня, как тайга, холм, по кличке Айдын-Кыскыл. / Человека, обладающего конем, вместе с конем, / человека, имеющего собаку, вместе с собакой едящую, / Вытаскивающую, копающую собаку имеет. / Из Верхнего мира молния не одолеет, / из Нижнего мира черт не сможет напасть / Девятиэтажный черный дом из глины имеет. / С глазом, смотрящим так, что десять тысяч человек страшатся, / тысяч человек скрипят, / С пестрым, как пиала, / Убивающий на земле земного животного, / Убивающий в воде водного животного, / Удалой молодец, соединяющий разноцветных соболей с мест у рта, / черного соболя от места у глаз соединяющий, / хороший молодец был. / Конгар-Баадай берет на большую битву / большой тугой лук, / на маленькую битву / маленький лук с ответвлениями, / когда собирается на большую битву, / большое золотое громадное седло, / на маленькую битву / маленькое золотое громадное седло. / Это человек для охоты берет лук из засохшего дерева, / стрелу с острым наконечником. / Конгар-Баадай имеет небольшой скот. / Имеет одну тайгу Берт-Кара, / вторую тайгу Мерзейти, / третью тайгу Арзайты, / четвертую тайгу Аржыты. / Не может находиться в юрте в дневное червивое время, / такой удалой молодец [Далай-Байбың хаан 1994: 50].

В его структуру входят конструктивные элементы, характеризующие образ главного героя, его супруги, коня, а также образ собаки. Использование образа собаки является отличительной особенностью данного эпического зачина по сравнению с эпическими зачинами других текстов ТГС. В целом образ собаки в тувинском фольклоре играет важную роль, «она является стражем трех миров» [Бурыкин, Болдырева, Музраева 2019: 125]. Кроме того, в зачине перечисляется множество названий географических объектов, которые создают иллюзию реальности для слушателя.

Особый интерес представляет язык указанного зачина, в котором употребляется слово *эрлик* в качестве эпитета, характеризующего образ главного героя. Известно, что словом *эрлик* называют представителя Нижнего мира, образ которого встречается в традиционных мировоззрениях народов Центральной Азии. Большинство ученых отмечают, что *эрлик* ~ *ирлик* в эпических произведениях тюркских народов носит отрицательную коннотацию [Садалова, Паштакова 2024: 22], в связи с чем, по критериям эпоса, к характеристике главного героя никак не может относиться. Однако Тюлюш Баазанай, используя данное слово, отождествляет непомерную силу главного героя с хозяином Нижнего мира *Эрликом* (тувинский вариант).

Сопоставительный анализ указанных выше зачинов показывает, что во всех примерах отсутствуют категории эпического времени и пространства. В связи с этим нет возможности определить, в какое время и в каком месте происходят действия. В классических текстах тувинских героических сказаний в структуре эпического зачина имеются стандартизированные фразы, указывающие на эпическое время. В нашем случае эпический зачин, начавшись с описания конкретных лиц, придает произведению некоторую строгость, а также фактичность действий и событий.

Антропонимы, используемые в структурах зачинов, являются заимствованиями из монгольского языка. Ш. Ч. Сат в воспоминаниях о Тюлюше Баазане отмечает: «Я понял еще одну вещь – видимо, Баазанай знал монгольскую письменность. Он говорил, что множество монгольских книг он спрятал под грудой камней на верхнем течении Торгалыга. После революции всегда было так» [Сат 1995: 9]. Это вполне вероятно, поскольку «тувинско-монгольские языковые связи еще не в столь отдаленном прошлом (до 30-х гг. XX в.) носили весьма активный характер» [Татаринцев 2009: 68]. В связи с этим обстоятельством перед нами встает вопрос о происхождении эпических произведений, исполненных сказителем, что является предметом другого исследования.

С. М. Орус-оол отмечала, что «фрагментарность зачина Баазаная не означает, что он не талантлив, это говорит о его индивидуальной особенности при построении типических мест и выборе художественно-выразительных средств языка» [Орус-оол 2001: 162].

Заключение

Структура эпических зачинов героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная отличается от традиционных моделей построения эпических зачинов героических сказаний тувинского народа. Эти отличия обнаружены в конструктивных элементах, семантике словоупотреблений, а также в объемах зачинов.

Сегментация эпических зачинов в текстах Тюлюша Баазаная демонстрирует, что сказитель исключает многие элементы из реестра традиционных стандартизированных фраз, которые влияют на объем указанных зачинов. В связи с этим мы предполагаем, что малый объем и упрощенные трафаретные формулы в структуре рассматриваемых эпических зачинов представляют собой один из показателей процесса угасания или же трансформации эпических традиций по причине перехода тувинцев с традиционного кочевого образа жизни на оседлый, которое произошло в середине XX в.

Использование Тюлюшем Баазаная в эпических зачинах деталей, описывающих проведение обряда *оваа дагыры*, а также упоминание сбора подданных упрощает «эпичность» зачинов. По установленным критериям эпического текста эпос должен транслировать мифологическую тему, которая проявляется благодаря «раннему» времени, упоминанию мифонимов, двойственности семантики и т. д. Тюлюш Баазанай, напротив, использует выражения, характерные для фактических действий. В связи с этим у слушателя возникает чувство реальности описываемых в эпических произведениях событий.

Слова *чаа*, *дүжүмет*, *албаты*, характерные для современного литературного языка, а также перечисление родственников и малые объемы самих зачинов свидетельствуют о трансформации и наличии наслоений позднего периода. В целом тексты в исполнении Тюлюша Баазаная отличаются от традиционных эпических текстов в корпусе героических сказаний тувинского народа. В перспективе автором настоящей работы будет проведено их дальнейшее структурно-функциональное изучение.

Список литературы

Альбедиль М. Ф. Полярность мужского и женского начал в традиционной индийской культуре: мифологические основания // Мужская и женская субкультуры в архаике: мифологемы, системы обозначения, функции. Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 27–37.

Борисов Ю. П. Инициальные зачины в эпических песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54). Ч. I. С. 188–190.

Бурыкин А. А., Болдырева И. М., Музраева Д. Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 119–132.

Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 327 с.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1381 с.

Лозовый И. В. Зачины как «Общие места» (*loci communes*) русских былин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2012. № 2. С. 48–52.

Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426–443.

Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Неклюдов С. Ю. Тезисы об эпосе // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 67–79.

Олзхуу О. Роль зачина и концовки в композиции монгольского героического эпоса «Джангар» // Филология: Научные исследования. 2019. № 6. С. 200–206.

Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 10–38.

Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКС Пресс, 2001. 422 с.

Орус-оол С. М. Родственные отношения в тувинских героических сказаниях // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Якутск: МФИТ, 2019. С. 207–212.

Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит-редкая птица, 2017. 280 с.

Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. 143 с.

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Образ Эрлик-Бия в алтайском фольклоре // Эпосоведение. 2024. № 4. С. 18–26.

Сатанар М. Т. Семантические оппозиции зачина в якутском олонхо «Строптивый Кулун Кул-лустуур» // Эпосоведение. 2022. № 1 (25). С. 79–94.

Татаринцев Б. И. О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Избранные научные труды. Научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 68–92.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

Хертек Л. К. Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы). Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. 183 с.

Хертек Л. К. К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54). Ч. I. С. 188–190.

Ховалыг С. С. Формирование чиновничества Тоджинского кожууна в конце XIX – начале XX вв. // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной 65-летию высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики. Кызыл: Изд-во ФГБУ ВПО ТувГУ, 2016. Выпуск XIII. С. 69–71.

Юша Ж. М. Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 5–10.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 400 с.

Сам Ш. Ч. Чырык сактыышкыннарым (Тоолчу Баазанайның төрүттүнгенинден бээр чүс чыл болганынга) // Далай-Байбың хаан / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. С. 8–10.

Список источников

Далай-Байбың хаан / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. 240 с.

References

Al’bedil’ M. F. Polyarnost’ muzhskogo i zhenskogo nachal v traditsionnoy indiyskoy kul’ture: mifologicheskiye osnovaniya [The polarity of masculinity and femininity in traditional Indian culture: mythological foundations]. In *Muzhskaya i zhenskaya subkul’tury v arkhaike: mifologemy, sistemy oboznacheniya, funktsii. Sbornik nauchnykh trudov seminar “Teoriya i metodologiya arkhaiki”* [Male and female subcultures in the archaic: mythologems, designation systems, and functions. Collection of scientific papers from the seminar “Theory and methodology of the archaic”]. M. F. Al’bedil’, D. G. Savinov (Eds.). St. Petersburg, MAE RAS, 2019, pp. 27–37. (In Russian)

Borisov Yu. P. Initsial’nyye zachiny v epicheskikh pesnyakh [Initial openings in epic songs]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, 2015, no. 12 (54), pt. I, pp. 188–190. (In Russian)

Burykin A. A., Boldyreva I. M., Muzrayeva D. N. Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol’klore [The dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 4, pp. 119–132. (In Russian)

Khertek L. K. K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov [On the linguistic analysis of epic texts]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, 2015, no. 12 (54), pt. I, pp. 188–190. (In Russian)

Khertek L. K. *Mifologicheskiye traditsii v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh (syuzhety i obrazy)* [Mythological traditions in Tuvan heroic tales (stories and images)]. Kyzyl, RIO TuvGU, 2014, 183 p. (In Russian)

Khovalyg C. S. Formirovaniye chinovnichestva Todzhinskogo kozhuuna v kontse 19 – nachale 20 vv. [Formation of the Togji district's officials in the late 19th and early 20th centuries]. In *Nauchnyye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy yezhe-godnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, sotrudnikov i aspirantov TuvGU, posvyashchennoy 65-letnemu yubileyu vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Tuve i 95-letiyu stanovleniya Tuvinskoy narodnoy respubliky* [Scientific works of Tuva State University. Materials of the annual scientific and practical conference of Tuva State University's teachers, staff, and postgraduate students dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the establishment of the Tuva People's Republic]. Kyzyl, TuvSU, 2016, iss XIII, pp. 69–71. (In Russian)

Kudiyarov A. V. *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurko-yazychnykh narodov Sibiri* [Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian- and Turkic-speaking peoples of Siberia]. Moscow, IWL RAS, 2002, 327 p. (In Russian)

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakass, Shors, Yakuts)]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 1381 p. (In Russian)

Lozovyy I. V. Zachiny kak "Obshchiye mesta" (loci communes) russkikh bylin [Introductions as "Common places" (loci communes) in Russian epics]. *The Bulletin of the Adyge State University. Series "Philology and the Arts."* 2012, no. 2, pp. 48–52. (In Russian)

Metelskiy E. M. O drevneyshem tipe geroya v epose tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri [On the oldest type of hero in the epic of the Turkic-Mongol peoples of Siberia]. In *Problemy sravnitel'noy filologii. Sbornik statey k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V. M. Zhirmunskogo* [Problems of comparative philology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. M. Zhirmunsky, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, pp. 426–443. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Fol'klorny landshaft Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy* [The folklore landscape of Mongolia. Book and oral epics]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Tezisy ob epose [Theses on the epic]. *The New Philological Bulletin.* 2022, no. 3 (62), pp. 67–79. (In Russian)

Olzkhoo O. Rol' zachina i kontsovki v kompozitsii mongol'skogo geroicheskogo eposa "Dzhangar" [The role of the beginning and the end in the composition of the Mongolian heroic epic "Jangar"]. *Philology: Scientific Researches.* 2019, no. 6, pp. 200–206. (In Russian)

Orus-ool S. M. Rodstvennyye otnosheniya v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [Family Relations in Tuvan Heroic Tales]. In *Tengrianstvo i epicheskoye naslediyе narodov Yevrazii: istoki i sovremennost'.* Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity. Collection of articles from the VII International scientific and practical conference]. Yakutsk, MFIT, 2019, pp. 207–212. (In Russian)

Orus-ool S. M. Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya [Tuvan heroic tales]. In *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 10–38. (In Russian)

Orus-ool S. M. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic tales (textology, poetics, and style)]. Moscow, MAKS Press, 2001, 422 p. (In Russian)

Petrov N. V. *Russkiy epos: geroy i syuzhety* [Russian epic: heroes and plots]. Moscow, Neolitredekaya ptitsa, 2017, 280 p. (In Russian)

Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow, Labirint, 2003, 143 p. (In Russian)

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. *Obraz Erlik-Biya v altayskom fol'klоре* [The image of Erlik-Biya in Altai folklore]. *Epic studies.* 2024, no. 4, pp. 18–26. (In Russian)

Sat Sh. Ch. Chyryk saktyyshkynnarym (Toolchu Baazaңaуnyң toryttyngeinden beer chys chyl bolganynga) [Bright memories (dedicated to the centenary of the birth of the Storyteller Bazanai)]. In *Dalay-Baybuң khan [Dalai-Baibun Khan]*. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, Tuva Book Publishing House, 1994, pp. 8–10. (In Russian.)

Satanar M. T. Semanticheskiye oppozitsii zachina v yakutskom olonkho “Stroptivyy Kulun Kul-lustuur” [Semantic oppositions of the beginning in the Yakut Olonkho “The Rebellious Kulun Kul-lustuur”]. *Epic studies*. 2022, no. 1 (25), pp. 79–94. (In Russian)

Tatarintsev B. I. O nekotorykh gruppakh mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol’klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazaniy) [On some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore (based on fairy tales and heroic legends)]. In *Izbrannyye nauchnyye trudy. Nauchnoye izdaniye [Selected scientific works. Scientific publication]*. Kyzyl, GUP RT “Tyvapoligraf”, 2009, pp. 68–92. (In Russian)

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p. (In Russian)

Yusha Zh. M. *Fol’klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka. Struktura. Semantika. Pragmatika. [Folklore and rituals of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]*. Novosibirsk, SB RAS, 2018, 400 p. (In Russian)

Yusha Zh. M. Tuvinty Kitaya i Mongolii: sovremennoye sostoyaniye fol’klornoy traditsii [The Tuvans of China and Mongolia: the current state of the folklore tradition]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2016, no. 2, pp. 5–10. (In Russian)

List of sources

Dalay-Baybuң khan [Dalai-Baibun Khan]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, Tuva Book Publishing House, 1994, 240 p. (In Tuvan)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.12.2025*

Сведения об авторе – Information about the author

Менги Васильевна Ондар – кандидат филологических наук, заместитель директора, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел им. К. Б. Ондара (Кызыл, Россия)

Mengi V. Ondar – Candidate of Philology, Associate Director, K. B. Ondar Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts (Kyzyl, Russia)

mengi89@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8270-7071>